

УДК 811.161.1

ТЕЗИСЫ О МЕНТАЛЬНОСТИ

В.В. Колесов

Аннотация

Статья посвящена решению некоторых сложных проблем, связанных с ментальностью. Содержание термина *концепт* уточняется через его соотносённость с терминами *логос*, *слово-вербум*, *вещь*. Исходя из содержательных форм концепта охарактеризованы различные позиции исследователей ментальности (реализм, номинализм, концептуализм и их неформы), а также различные подходы к этой проблеме (биологический, психологический, лингвистический и др.). Выделены признаки (кардинальный, коренной, основной), с помощью которых может устанавливаться иерархия актуальных концептов русского языка. Основания выделения – содержательные формы концепта или позиции членов семантического треугольника. Итог сказанному подводят размышления о ключевых особенностях русской ментальности.

1. Логос

Свое представление о ментальности я выразил в книге «Философия русского слова» (СПб., 2002). Многие вопросы остались нерешенными, некоторым из них посвящаются эти заметки.

По согласованному мнению исследователей, основной единицей ментальности признается *концепт*, который понимается по-разному: то как особая единица сознания на уровне подсознательного, то – в соответствии с этимологией слова *conceptus* – как понятие. Предложенное мной соотношение *концепта* с латинским же *conceptum* «зерно» (первосмысла) пока не получило признания, может быть, потому, что этот термин только откладывает решение вопроса о сущностью самого концепта, подчеркивая лишь связь с понятием как явленной сущности концепта. Свое значение имеет и малообразованность иных старателей на nive ментальности, которые не могут понять простую логику подобных утверждений.

Между тем в обороте имеется еще один термин, который употребляют к месту и не к месту: *логос*. Он вполне может заменить термин *концепт*, коль скоро люди по простоте душевной и прилежанию Западу смешивают его с *понятием*. Несколько слов в оправдание сказанному.

Русские философы приложили много труда к обоснованию Логоса как сущности Бытия. Тому есть основания.

Перевод латинской «Вульгаты» св. Иеронимом в IV в. включил в западный обиход слово-понятие *verbum*, перевод служебных библейских текстов Кириллом-Константином в IX в. ввел в оборот слово-понятие *слово*. Между тем греческий *λόγος* – лексема не столь узкого значения, в различных контекстах, и прежде всего философски богословских, это слово содержит широкий диапа-

зон значений. В конце концов, и словари создаются на основе классических текстов, так что и в этом плане неплохо было бы потрудиться, устанавливая *первосмысл* столь важного *концепта* (1).

Авторитетные словари показывают, что слово *λογος* может выступать в следующих значениях: 1) «счет, расчет, учет», 2) «оценка, важность, соображение», 3) «отношение, соответствие», 4) «мера», 5) «основание, объяснение», 6) «причина, повод», 7) «речь в собрании», 8) «словесное выражение», 9) «вещное слово, предсказание», 10) «право решать», 11) «доказательство, довод», 12) «разумение, разум», 13) «разумное решение», 14) «слово или мудрость Бога» (приведшие к сотворению Мира). Последнее значение и было передано латинскими и славянскими переводами Писания, но оно является всего лишь *снятием* инвариантного смысла слова в античном его употреблении. Оправданием такому толкованию служила связь слов *λογος* и *λεγειν* «говорить», но сущностный смысл логоса этим не изъясняется. Это всего лишь поверхностный смысл важного термина, сердцевиной которого является утверждение о *важности расчета меры и соответствия в определении причины и повода к произнесенному соборно слову, вызывающему последующее действие*. Иначе говоря, этот термин означал первопричину мира как основу основ его существования. Ничто не мешает принять термин *Логос* за выражение той сущности, которая сейчас именуется *концептом*.

Первые славянские переводчики Библии нашли более удачный термин для выражения логоса на славянском языке – *вещь*. «Вещь» – это единство *замысла*, выраженного в *слове* и исполненного *делом*, приведшим к созданию (в современных понятиях) *вещи*. На русской почве первоначальная синонимичность *слова* и *вещи* привела к развитию резко антонимических противоположностей, обожествивших *слово* и унизивших *вещь* до положения *вещизма* (2).

Кстати сказать, древнерусские авторы различали два «слова» – *Слово* как логос-вещь и *слово* как слово-лексему; такое положение находим у Кирилла Туровского в XII в. Есть еще одно несоответствие между «логосом» и «словом-вербумом»: *Λόγος* – слово мужского рода, и замена его словами рода среднего тоже что-то значит. По этой причине было бы желательно оставить греческое слово без перевода: *Логос*.

2. Погружение в ментальность

Сегодня представители многих наук озабочены изучением ментальности, и каждая наука по-своему именуется ее основную единицу. Биологическое направление предпочитает термин А.А. Ухтомского *доминанта*, психологическое держится за термин К. Юнга *архетип*, социально-культурное (культурологическое) пользуется термином *константа*, а лингвистическое доверяет термину *концепт*, предложенному С.А. Аскольдовым еще в 1928 г.

Между тем выбор термина определяет объект исследования и ту содержательную форму «концепта», которой отдается предпочтение в анализе объекта. Все несовпадения, противоречия и взаимные упреки объясняются именно этой несводимостью терминов по своему содержанию и объему. Поясню на примере семантического треугольника, постижение компонентов которого завершилось в XX в., подготовив осознание сущности концептуального «квадрата» (3).

тельности посредством познания их сущностных признаков. По традиции это сфера деятельности петербургских лингвистов.

Концептуальная лингвистика опирается на традиционный для национальной русской науки реализм. Основная сила этого направления ментальных исследований в том, что оно изучает русскую ментальность исходя из национального мировосприятия, комплексно, всесторонним охватом всех направлений (биопсихологического, социо-культурного и т. д.) И на основе синтеза основных признаков коцепта-Логоса, который и понимается в единственно лингвистическом смысле – как вневременной инвариант понятия, способный к внутреннему развитию. В настоящее время сторонники такого подхода разбросаны по разным университетским центрам и работают (иные – работали) несогласованно друг с другом: В.С. Юрченко в Саратове, А.М. Камчатнов в Москве, А.А. Припадчев в Воронеже, В.И. Курашов в Казани и т. д. Обоснованию такой позиции посвящена моя книга «Философия русского слова».

Было бы поучительно вернуться и к проблеме «концептуального квадрата», который зримо являет содержательные формы концепта-Логоса, а именно образа, понятия и символа, но в указанной книге это хорошо обосновано. Здесь можно лишь заметить, как на лексическом уровне проявляется отмеченная последовательность в выявлении сущности: символ *знак* > образ *значение* > понятие *значимость* – именно в таком качестве и следует их рассматривать в научном рассмотрении фактов.

Выделение содержательных форм концепта позволяет строго классифицировать различные подходы к проблеме ментальности. Именно, биологический с вниманием к доминанте в работе с образом толкует вещь; психологический с вниманием к архетипу работает с символом и толкует слово; культурологический с вниманием к константе работает с понятием и толкует идею; лингвистический с вниманием к концепту работает со всеми тремя содержательными формами и тем самым толкует концепт как *conceptum* «зерно» первосмысла. Философский подход корректирует эти позиции, прежде всего – в лингвистическом направлении. Концептуализм когнитивной лингвистики толкует концепт как понятие (*conceptus*), номинализм контентивной лингвистики толкует концепт как значение, и только реализм концептуальной лингвистики понимает концепт как первозаданный смысл Логоса (*conceptum*). В последнем типе исследования совпадают форма, единица и объект, что несомненно способствует адекватному описанию ментального поля народного подсознательного.

3. Иерархия концептов

Многочисленные в настоящее время труды, посвященные изучению русских концептов, представляют собой не собранные в общую семантическую перспективу, разрозненные штудии, обязанные своим появлением личному интересу исследователя. Таково состояние дел в самом начале пути, когда теоретические установки еще не выработаны, методов, в сущности, нет, а методики представляют собою авторские подходы к проблеме, связанной общим именем: *русские концепты*.

Работа над словарем русской ментальности поставила перед его исполнителями важную проблему, которой также никто не касался. Это – вопрос о со-

отношении концептов разной силы, емкости и энергии, которые попали в словарь и даются в нем сжатыми определениями.

С самого начала – эмпирически – ясно, что отношение таких концептов, как «закон», «правда», «истина» и подобных к другим, например «вода», «рука», «дом», ограничено чисто лексическим соотношением, вбирающим в себя противопоставление «абстрактные – конкретные» слова, обозначающие те или иные концепты. Ясно, что относительная их сила и важность различаются.

Мы предложили следующее соотношение признаков, с помощью которых более или менее можно представить иерархию актуальных концептов русского языка (ментальности). Эти признаки основаны на трех содержательных формах концепта в том виде, как они описаны в книге «Философия русского слова». Условимся различать «слово» как лексему, выражающую концепт, и «термин» как представленный в слове концепт. В языке философии такое различие устанавливается на расхождении терминов «слово» и «имя».

Признак **кардинальный** определяется понятием, тогда как признак **коренной** связан с образом, а признак **основной** – с символом. В таком случае концепт «закон» связан с кардинальным признаком, потому что устанавливается понятийно, концепт «правда» соотносится с коренным, поскольку связан с коренным образом русского нравственного *п р а в а*, а концепт «истина» устанавливается как основной, так как на нем *о с н о в а н а* система логических сущностей, пропитанных тем же нравственным началом.

Другая система признаков, которыми может устанавливаться иерархия концептов, может быть предложена от позиций членов семантического треугольника.

Позиция «от вещи» – номиналистически позитивистская – определяется конкретной лексикой, которая может быть оценена, измерена и описана в соответствии с «вещностью» предмета. Например, легко описать концепты «вода», «дом» или «рука».

Позиция «от слова» охватывает лексику отвлеченного значения, например, «жидкость», «вещь» или «тело».

Позиция «от идеи» важна при классификации абстрактной лексики, которой исключительно много возникает в наше время; сюда относятся термины типа «закон» или «истина», но больше всего слов с суффиксом *-ость*, ср. *знак – значение – знаковость – значимость*, из которых первое слово конкретно, второе отвлеченно, а два последних явно абстрактны.

Эти три позиции отличаются друг от друга тем, что тип «от вещи» *д а н* как прямое отражение вещного мира и в принципе не поддается дальнейшей классификации, тогда как тип «от слова» *з а д а н* **системой** лексических связей, существующих в данном языке, а тип «от идеи» попросту *п р и п и с ы в а е т* слова в соответствии со **структурой** выделенных различительных признаков концепта. Именно к последнему типу, по-видимому, относятся определения «структуры концепта», данные М.В. Пименовой: это «совокупность всех потенциальных признаков, свойственных тому или иному концепту», «совокупность обобщенных признаков или групп признаков, необходимых для идентификации предмета или явления как фрагмента картины мира». Признаки эти – «атомы смысла», на основе мотивирующего признака связанного с внутренней

формой слова, т. е., другими словами, с исходным образом слова и образом как содержательной формой концепта. Следовательно, структура понимается как проявление концептуализма, тогда как система порождена реализмом, а эмпирический набор вещных признаков есть действие номинализма. Сложность состоит в том, что в современной исследовательской практике не наблюдается чистоты методов и методик, очень трудно проследить, где кончается крайний номинализм (т. е. собственно номинализм в виде терминологизма) и умеренный номинализм, т. е. концептуализм.

Дополнительным соответствием можно считать соотношение физического проявления образа, логического – понятия и психологического – символа.

В таком случае общим структурным определением концепта «вода» в иерархии признаков станут: *коренной образ* с физическим и психологическим наполнением, а концепта «рука» – *основной символ* также с физическим и психологическим наполнением. «Наполнение» выражает идею связи – в первом случае образа с образным и символическим содержанием, а во втором – символа с таким же содержанием. Русской ментальности чуждо понятийное определение этих концептов, поэтому *кардинально понятийное* их определение носит искусственный характер. Достаточно сравнить их определения у В.И. Даля и в 17-томном словаре:

Даль: «**Вода** ... стихийная жидкость, ниспадающая в виде дождя и снега, образующая на земле родники, ручьи, реки и озера, а в смеси с солями – моря»; затем даются уточнения «понятийного» характера, причем составленные «русским способом» подачи понятия: определения представляют содержание понятия, а существительные – его объем, ср. «вольная вода» – глубина, «матерая вода» – фарватер, «сочная вода» – половодье, «мертвая вода» – от которой сростаются кости порубленного воина, оживающего затем от «живой воды», «земляная вода» – половодье при вскрытии рек, «целебная вода» – содержит в растворе соли, и т. д.

Даль: «**Рука** – одна из верхних конечностей человека и обезьяны, часть тела от плеча до ногтей ... ». Внешне это понятийное («идентифицирующее») определение, но затем автор выражает сомнение в правильности выделения плеча и предплечья, эти «два названья сбивчивы и противны обычаю», т. е. русскому представлению о руке, которое охватывается только «запястьем, пястью и перстами» – собственно «дланью», которой можно «хватать» (здесь Даль интуитивно исходит из этимологического значения слова – как «хватаящая»). Затем на восьми колонках словаря изъясняются образные и символические оттенки «физического» и «психологического» наполнения концепта.

Эти иллюстрации подтверждают, что словарь Даля – русский ментальный словарь, составленный в то время, когда о ментальности даже не думали.

Наоборот, современный академический словарь дает такие определения.

«**Вода** – 1) прозрачная бесцветная жидкость... 2) крупные скопления воды в виде морей, озер, рек... 3) чистота окраски, блеска и т. п. в драгоценных камнях...» Осмысление концепта в понятиях сопровождается «русскими формами» понятий типа «мутная вода», «чистая вода», «большая вода» и т. д. Новое издание этого словаря (1991) усиливает понятийную составляющую концепта: «**Вода** – прозрачная бесцветная жидкость, представляющая собой в чистом ви-

де химическое соединение водорода и кислорода, содержащаяся в атмосфере, почве, живых организмах и т. д.» при сохранении русских понятий типа «святая вода», «мертвая вода» и т. д., и новых по происхождению «сухая вода» – дистиллированная, «тяжелая вода», «жесткая вода».

«**Рука** – 1) Одна из двух верхних конечностей человека от плеча до конца пальцев; часть этой же конечности от пясти до конца пальцев... 2) Одна из верхних конечностей человека как орудие деятельности, труда... 3) О манере письма, почерка... 4) Рабочая сила, рабочие... 5) О человеке... как обладателе, владельце чего-либо... 6) Символ власти, владычестве... 7) О влиятельном человеке, способном защитить, оказать поддержку... ». Здесь уже забыты обезьяны (в соответствии с гегелевским «рука есть тот важный орган, которого не имеет ни одно животное... »), зато функционально разные оттенки «деятельности человека» представлены как самостоятельные значения, а символические и переносно образные также выделены. Замечательно, что в первом – основном – значении слова представлены два разных понятия о руке: «западное» и «русское».

В нашем Словаре русской ментальности статья «Рука» дает сжатую характеристику:

«**Рука** – символ власти человека над материальным бытием; важнейший инструмент практического освоения человеком мира; Р связана с разумом («руки работают, а голова кормит»), волей («рукам воли не давай») и эмоциями; человек рукой выражает себя в деле; все, что попадает в Р. человека, становится его собственностью или роднится с ним (*ручной, вручать, приручать*), в Р. заключена сила и мощь, изъясняется открытость, снисходит милость и забота. Синонимы «лапа», «пятерня» и т. д. выделяют только кисть как русское понимание Р-и.»

Концептуальное определение исходит из *основного символа* с физическим и психологическим содержанием, минуя понятийное, состав которого выдает его западноевропейское происхождение. История концепта подтверждает, что речь идет именно о «лапе», а не о плече и предплечье: все переносные значения развиваются на основе исходного значения, восходящего к индоевропейскому образу «косоугола» – *цапки*.

Другие примеры, приводить которые здесь излишне, подтверждают, что *кардинально понятийные* значения слов, выражающие концептуальные термины, в русском коллективном сознании образовались поздно, они вторичны и своим происхождением обязаны давлению инородной культуры: вряд ли еще и сегодня понятие о воде формулируется как H₂O.

4. Русская ментальность

В узком смысле ментальность понимается как мыслительные способности человека (4). В заключение несколько слов о ключевых особенностях русской ментальности. Начну с притчи.

Жили три брата. Проснулись они однажды – нет коровы! «Корову украли» – сказал старший. «Не иначе как прохоровские» – заметил средний. «Это –

Ванька!» – заявил младший. Пошли в Прохоровку, потрясли Ваньку – не признается. Повели его в суд.

Выслушал судья братьев, покрутил головой – ну и ну! Решил проверить, показал на столе коробку: «Что в ней?» «Коробка квадратная» – сказал старший. «Значит, в ней круглое» – заметил средний. «Там апельсин!» – заявил младший.

Открыли коробку – апельсин! И сказал судья: «Ванька, блин, отдай им корову!»

Эта притча хорошо показывает особенности русской ментальности – тип русского мышления (в отличие от духовности – типа русского духа).

Старший – тупой прагматик, средний – простой мудрец, младший – интуитивный мыслитель, поддающийся давлению обстоятельств. В процессе мышления важны все трое: старший отмечает *вещь*, средний ловит *слово*, а младший ухватывает саму *идею-мысль* на основе сопряжения слова и вещи. Тут проявляются все три в принципе возможные мыслительные позиции: деловой номинализм, многомудрый концептуализм и жизненно ценный реализм.

Русская мысль соборна – это не мысль индивидуального человека, а коллективная *Д у м а*: «думать надо» или слово Достоевского – «задумаемся»...

Русский алогизм внешне проявляется в том, что ни один из участников не кончает мысль: следующий начинает в том месте, где остановился предыдущий. Это серия *э н т и м е м* – незаконченных суждений. Именно так ведутся пресловутые «русские разговоры на кухне», и если среди говорящих нет «младшего брата», то выводов никаких не будет. И действий также.

Заключительным моментом суждений является озарение плодотворной идеей, которая высекается из сопряжения вещества жизни и словесного опыта поколений. Интуицией признается часть опыта и мысли.

Парадоксальность состоит в том, что, действительно, для русской ментальности основным элементом является вовсе не понятие, а *с и м в о л* – одно вместо другого в значении третьего. Отсюда непонятность для постороннего, неясность намерений и вообще «двойственность позиции». Это не «двойные стандарты» западного *концептуализма*, а привычная форма сокрытия заветного от посторонних глаз. Но эта черта опасна тем, что любой противник может обезоружить русского, подкладывая ему *свои* символы, обозначенные привычным и для русского терминами. Скажем, *номиналистически* назвать «фашистом» русского патриота, т. е. чуждым термином обозначить принципиально другое явление. Это логическая ловушка, которой часто пользуются враги для своих подлых целей.

Русское *п о н я т и е* также символично. Уже отмечено, что в русском языке понятие формируется сочетанием прилагательного (обозначает содержание) с существительным (обозначает объем): «желтый дом», «белый дом», «большой дом», «торговый дом» – все это разные «дома», тут же получающие символический оттенок. Наоборот, например, во французском языке: обратный порядок слов (*Chval blanc* – «конь белый») усиливает предикативность высказывания (ср. русское *конь бел*). У существительных также объем меньше содержания, так что «существительные можно уподобить кристаллизации ка-

честв, которые в прилагательных представлены в жидком состоянии» (Отто Эсперсен).

Тут возникает знаменитая философская проблема: что чему предшествует – *wise* «мудрый» или *wisdom* «мудрость»? Английский ответ рождает номинализм (от *wise* к *wisdom* – связывает слово с идеей), русский – реализм (от вещи к идее и наоборот: *круглый стол* и *стол круглый*). Русская ментальность подвижна и оборотиста, она использует все возможности мысли и действия и, в конце концов, приводит к желательному результату.

Вот только *подождать надобно* ... пока подрастет младший брат.

Summary

V.V. Kolesov. Theses on mentality.

The article deals with some complex problems connected with mentality. The content of a term *concept* is specified by means of its correlation with such terms as *Logos*, *Word-verbum*, *Thing*. Positions of scientists who have studied mentality (realism, nominalism, conceptualism and their new forms) and different approaches to the problem (biological, psychological, linguistic etc.) are characterized on the basis of content forms of a concept. Several attributes (cardinal, basic, principal) that help establish the hierarchy of actual concepts of the Russian language were chosen. These attributes were described on the basis of content forms of a concept or the positions of members of a semantic triangle. The summary of the article presents the author's reflection on the basic features of Russian mentality.

Литература

1. *Белецкий А.А.* Ошибки святого Иеронима // *Collegium*. – 1993. – № 1. – С. 104–107.
2. *Колесов В.В.* Слово и Дело. – СПб., 2004. – С. 537–550.
3. *Колесов В.В.* Философия русского слова. – СПб., 2002. – С. 36–55.
4. *Колесов В.В.* Язык и ментальность. – СПб., 2004. – С. 8–23.

Поступила в редакцию
28.03.06

Колесов Владимир Викторович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Санкт-Петербургского государственного университета, заслуженный деятель науки РФ.